

⁵ *Белый А.* Собр. соч.: Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере / Общ. ред. В.М. Пискунова; сост., коммент. и послесл. И.Н. Лагутиной. М.: Республика, 2000. 719 с. С. 26.

⁶ *Записки чудака* // Белый А. Собр. соч.: Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака / Общ. ред. и сост. В.М. Пискунов. М.: Республика, 1997. 543 с. С. 361.

⁷ Там же. С. 362.

⁸ Воспоминания странного человека, Андрея Белого // МИРЫ Андрея Белого / [Сост. К. Ичин и М. Спивак]. Белград: Филол. ф-т Белград. ун-та; Москва: Гос. музей А.С. Пушкина, Мемориальная квартира Андрея Белого, 2011 (Себојно :Grafičar). 888 с. С. I.

⁹ *Белый А.* Кризис культуры // Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и примеч. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994. 528 с. С. 262.

¹⁰ *Белый А.* Воспоминания странного человека, Андрея Белого.

¹¹ *Белый А.* Кризис культуры. С. 296.

¹² Воспоминания странного человека Андрея Белого / Предисл., публ. и примеч. А.В. Лаврова // МИРЫ Андрея Белого. С. 54.

¹³ Там же. С. II.

¹⁴ *Ницше Ф.* Автобиография (Ессе homo) / Пер. с нем. под ред. и с предисл. Ю.М. Антоновского. СПб.: Прометей Н.Н. Михайлова. 1911; *Он же.* Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого / Пер. с нем. Ю.М. Антоновского. 2-е изд., испр. СПб.: Тип. Альтшулера, 1903.

¹⁵ *Белый А.* Кризис культуры. С. 262–263.

Две войны в газетной публицистике Ф. Сологуба

Военная тема в публицистике Сологуба занимала значительное место и была тесно связана с размышлениями писателя о роли России в мире. Первый раз эта тема попала в газетные статьи Сологуба во время Дальневосточной войны с Японией 1904–1905 гг., в период его постоянного сотрудничества с газетой «Новости», но наиболее широкое освещение она получила в эпоху Первой мировой войны на колонках «Биржевых ведомостей» и журнала «Отечество». В настоящем докладе предпринята попытка кратко представить и сравнить два периода военной публицистики Сологуба, дать комплексный обзор его основных взглядов на два главных вооруженных конфликта с участием России в первые два десятилетия XX века.

Тема Русско-японской войны в творчестве Сологуба до сих пор не привлекала должного внимания исследователей, однако, не рассмотрев позицию писателя по отношению к важнейшим политическим и международным событиям его времени, практически невозможно в полной мере представить процесс его идейного самоопределения.

Обе войны особенно обострили у писателя Сологуба чувство истории. Являясь современником колоссальных исторических потрясений, он стремился постичь их смысл, найти в них глубинные закономерности исторического развития.

Дальневосточная война в восприятии Сологуба выступает как прелюдия для дальнейших взаимоотношений России, представляющей западный менталитет, и Японии, восточной державы: «Теперешняя война поучительна, помимо прочего, еще и потому, что мы наблюдаем в ней не только встречу и борьбу двух рас, двух

противоположных мировоззрений, “их поединок роковой”, но и намечаемый мало-помалу их синтез, их слияние. Пусть оно еще дело далекого будущего, но основы его уже заложены. И прочно заложены <...> последствия этого столкновения выйдут далеко за пределы простого международного спора. История народов получает, наконец, всемирное значение» [Сологуб, 1904].

Подобный ход мыслей был созвучен взглядам Владимира Соловьева на проблему исторической роли России в противостоянии восточного и западного начала, решение которой русский философ искал в идее синтеза двух антиномических начал: индивидуалистической культуры Запада и культуры Востока, подчиняющей все личное всеобщему порядку.

Вопрос самобытности русского мировоззрения, занимающего пограничное место между Востоком и Западом, давно волновал отечественную мысль (Чаадаев, Герцен, славянофилы, Данилевский, Тютчев, Леонтьев, Достоевский) и был обострен в начале XX в. событиями Дальневосточной войны.

Общее восприятие русскими символистами Дальневосточной войны находилось в контексте актуализированной ими дихотомии «Запад–Восток». Историческая концепция Соловьева использовалась в произведениях младших русских символистов (А. Блока, А. Белого) как отправная точка. Параллельно сходные концепции развивались в историческо-философских построениях Д.С. Мережковского.

Тартуская исследовательница Е. Григорьева в своей статье о влиянии Ф. Сологуба на творческое становление Андрея Белого пишет: «Для Сологуба проблема “Запад–Восток” встает в связи с русско-японской войной, что получило отражение в статьях 1904–05 гг. и в решении “восточной” темы в романе “Навыи чары” (1907–1909)» [Григорьева, 2000, с. 108–149].

Если в стихотворении В. Соловьева «Панмонголизм» (1894) прослеживается, прежде всего, идея исторического возмездия и военной опасности, идущей с Востока на христианскую цивилизацию [Минц, 2004, с. 295–296], то для Сологуба принципиально важно не столкновение, а совмещение западного и восточного миров, которое в потенциале может привести к формированию ново-

го мировоззрения на русской почве: «Взаимпроникновение этих двух начал скорее дает возможность предсказывать их будущий синтез, создание нового, более совершенного миропостижения, новой морали, новой метафизики. И этот синтез особенно ярко предчувствуется на русской почве» [Сологуб, 1904].

В программной статье «Жалость и любовь», речь идет о том, что буддийская мораль Востока основана на жалости, другая, европейская, христианская, – на любви: «Если жалость вытекает из признания бытия призрачным, то любовь питается утверждением бытия и признанием его благодатной цели. <...> Это – мораль, которая наполняет сердце мужеством и бодростью и ведет европейские народы по пути преуспевания» [Сологуб, 1904]. Но христианские народы уже подверглись сильному проникновению в свою повседневную жизнь буддийских начал: на деле европейские народы руководствуются – «в области чувства более состраданием, чем любовью, в области метафизики – пессимизмом, в религии – атеизмом» [Сологуб, 1904].

Следует отметить, что Сологуб не верит в окончательную победу одного над другим – «равно могучих течений исторической энергии» – христианства или буддизма, поэтому выступает за идею синтеза, о которой также говорит Триродов, главный герой его романа «Навыи чары», почти дословно повторяя мысли, изложенные в статье «Жалость и любовь»: «Вы, кажется, видите в этой войне только политический смысл? Нет, очень признаю. Но, по-моему, кроме глупых и преступных деяний тех или других лиц, есть и более общие причины. У истории есть своя диалектика. Была бы война или не была бы, все равно в той или иной форме непременно произошло бы роковое столкновение, начался бы решительный поединок двух миров, двух миропониманий, двух моралей, Будды и Христа» [Сологуб, 2002, с. 205].

До начала 1905 г. Сологуб открыто выступает за победу и колониальную предприимчивость Российского государства, поддерживая тем самым официальную политику российского самодержавия на Дальнем Востоке. Уже первая статья 1904 г., напечатанная в «Новостях» за 19 июня под названием «Робкие таланты», посвящена теме единения и консолидации российского общества в военное

время, для убедительности своей гражданской позиции Сологуб приводит в пример имена Верещагина и Пушкина. Он констатирует, что даже самые талантливые художники не могут находиться в стороне от злободневных событий своего времени и считает позорным любое уклонение людей творческих профессий от службы в действующей армии.

Призывы к победе звучат в статьях «Международное право», «Харакири» и многих других. Однако к концу 1904 г., убедившись в невозможности победить, Сологуб ратует за перемирие: продолжение военных действий вело лишь к умножению жертв. Переходной в эволюции взглядов Сологуба на военную кампанию 1904–1905 гг. является статья «Колония на Суматре». Сологуб здесь выступает за дальнейшие мирные приобретения Российской империи в Тихом океане, ибо, по его мнению, «...*деятельная колониальная политика способствует подъему внутри страны*» [Сологуб, 1904]. Он называет военные действия «*маньчжурской авантюрой*» и предлагает купить у Голландии часть колоний в Зондском архипелаге: «...*Если вспомнить, что эмиграция из России с годами не уменьшается, если посмотреть какое превосходное для целей русской дальневосточной политики положение занимает хотя бы остров Суматра, то хочется сказать, что лучшего приобретения Россия не могла бы сделать*» [Сологуб, 1904].

В этой же статье проявляется новое отношение автора к русско-японской войне, вызванное происходящими событиями: «...*Если успех предстает сомнительным, то гораздо достойнее великого государства поскорее прикончить неудачное предприятие. Не дипломатии же умирают на полях сражений, а те же самые «плательщики налогов»*» [Сологуб, 1904]. К концу 1904 г. тема Русско-японской войны в публицистике Сологуба начинает получать новую интерпретацию, связанную с критикой политического строя.

Композиция многих статей Сологуба 1904 г. строится на сопоставлении двух мировоззрений: русского и японского. Так, в статье «Коварные пленники» автор пишет, что «вражда всегда от незнания» [Сологуб, 1904]. Сологуб прямо симпатизирует не только «храбрости», но и «культурности» японцев. Например, в статье

«Поведение», он ставит в пример японскую систему образования и отношение к воспитанию детей. Схожие положительные оценки у него получает и японская армия.

Совершенно иначе в публицистике периода Первой мировой войны Сологуб отзывается о немецкой культуре и армии. Еще в статье за 1905 г. «Лукавство сравнений» он называет Германию «родиной современного милитаризма», которая «*является источником постоянной тревоги, постоянных опасений всемирной войны*» [Сологуб, 1904].

Спустя десятилетие события Первой мировой войны обращают публицистику Сологуба к вечному вопросу русской мысли о России и Европе. Творчество писателя данного периода подробно рассмотрено в монографии Бена Хеллмана [Хеллман, 1989, с. 211–239]. В размышлениях Сологуба периода Первой мировой войны о месте России в мире многие исследователи выявляют связь эстетической позиции писателя со славянофильскими воззрениями и «в качестве ключевой оппозиции его произведений военного времени выделяют противопоставление миролюбивой русской душе воинственной и агрессивной души Германии» [Мисникевич, 2011, с. 401].

Пафос военной публицистики Сологуба лег в основу лекции «Россия в мечтах и ожиданиях», с которой Сологуб в 1915–1917 гг. объездил всю Российскую империю. Первая мировая война воспринималась Сологубом не только как небывалый по своим масштабам вооруженный конфликт, но и как борьба славянской расы против крайностей материальной европейской культуры в лице Германии. Возлагая всю ответственность за начавшуюся войну на немцев, писатель считал, что культура материалистического Запада постепенно приходит в упадок. Он отдает должное «высокому развитию немецкой цивилизации», однако его возмущает беспринципная жестокость немцев на полях сражений, они «беспощадны к христианским святыням, с особенным неистовством превращают храмы в развалины, оскверняют церкви» [Гримм, 1914, с. 77].

Вместе с тем европейская ориентация, которая доминировала среди русской элиты со времен Петра I, оказалась, по Сологубу, несостоятельной, так как не смогла органично прижиться «на

русской почве»: *«Европейская ориентация у нас терпит кризис, размеры которого так велики, как мы теперь только с трудом можем представить, потому, что европейская культура потребна нам только отчасти, в предметной своей части, а не целиком, как мы хотели ее взять. Никогда, думаю я, не дойдем мы до того “культа вещей”, которым так характеризуется та же немецкая цивилизация, и никогда душу свою, Марию, не променяем на тело ее, Марфу. Этот культ вещей поработает европейца, и держит его в очень тесных рамках буржуазного бытия. Мы свободны от этого рабства вещам, и должны остаться свободными»* [Сологуб, 1914].

В статье Сологуба «Отечество для всех» роль русской интеллигенции видится им в служении воинствующему народу, в содействии достижению стоящих перед ним ратных целей.

Отношение Сологуба к Мировой войне перекликалось с идеями неославянофилов, общим мнением которых о войне было то, что она явила собой не столкновение государств, а борьбу национальностей и культур. На долю России выпала особенно важная миссия в войне. Н.А. Бердяев в работе «Судьба России» писал: «Германская раса истощит себя в милитаристическом империализме. Бьет тот час мировой истории, когда славянская раса во главе с Россией призывается к определяющей роли в жизни человечества» [Бердяев, 2000, с. 235].

Одной из основных стратегических целей России в войне Сологуб видел завоевание Константинополя. В статье «Порог житницы» он писал: *«Кто бы ни сидел в Константинополе, кроме русских, все это будет одинаково нелепо. Никто, кроме России, не может вывозить из Черного моря такого громадного количества товаров, нужных для Западной Европы»* [Сологуб, 1915].

Писатель воспринимал Мировую войну как роковое знамение, которое должно принести множество поучительных, полезных плодов для российского общества, и возлагал особенные надежды на союз с Англией. Он считал, что из всех мировых держав только Россия и Англия строят основы своего могущества на землях и племенах религиозного Востока, а не материалистического Запада. Этим странам в будущем *«предстоит великая задача объединить*

в одну мировую громаду миролюбивые и во истину культурные народы Индии, Китая, Японии. И когда это соединение народов мистического Востока произойдет, измученной земле дарована будет последняя свобода и дарован будет благодный мир. Но для этого надо, чтобы Россия поняла свое призвание – быть Востоком и строить свою культуру на высоких мистических откровениях, ведущих народы к миру и к любви» [Сологуб, 1915].

По глубокому убеждению Сологуба, в военное время выходили на поверхность и проявлялись скрытые в обыденной жизни глубинные черты общего народного сознания. Война должна ускорить в европейских народах процесс национального самосознания, стать средством пробуждения в русском народе неведомых ранее сил: *«Испытывая противника, попутно испытывают путем сравнения и самих себя. Испытывают людей и порядки, строй жизни и склад своих и чужих характеров и нравов. Вопросом о том, кто такие они, обострится вопрос о том, кто же мы сами»* [Сологуб, 1915].

Подводя итоги, можно отметить, что во взглядах Сологуба на обе войны было много общего. Статьи периода первой Мировой в целом продолжают основные темы и мотивы, затронутые писателем еще во время русско-японской войны. Однако есть некоторые отличия, например, если к японской культуре и армии Сологуб относился с нескрываемым уважением, то Германия в его статьях, описывалась в более сдержанном тоне. Во время русско-японской войны Сологуб сосредоточил свою публицистическую мысль главным образом на дихотомии «Запад–Восток», сравнивая буддийскую мораль с христианской. В эпоху же первой Мировой войны он особенно часто обращался к извечной проблеме русской мысли «Россия и Европа».

Литература

- Бердяев Н.С. Судьба России. М., 2000.
 Григорьева Е. Федор Сологуб в мифе Андрея Белого // Блоковский сборник. Тарту, 2000. [Вып.] 15. С. 108–149.

Гримм Э.Д. Пьяные илоты. Немецкие бесчинства и европейская культура // Русская мысль. 1914. № 8–9. С. 76–93.

Миц З.Г. Владимир Соловьев – поэт // Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 295–296.

Мисникевич Т.В. «Польский вопрос» в лирике и публицистике Федора Сологуба // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. С. 401–411.

Сологуб Ф.К. Выбор ориентаций // Отечество: Иллюстрированная летопись. 1914. № 6. 14 дек.

Сологуб Ф.К. Завоевание правды // Биржевые ведомости. 1915. 7 апр..

Сологуб Ф.К. Жалость и любовь // Новости. 1904. № 230. 21 авг.

Сологуб Ф.К. Коварные пленники // Новости. 1904. № 270. 30 сент.

Сологуб Ф.К. Колония на Суматре (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 328. 3 л.).

Сологуб Ф.К. Лукавство сравнений (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 343. 4 л.).

Сологуб Ф.К. Мировая громада // Биржевые ведомости. 1915. 28 янв.

Сологуб Ф.К. Порог житницы // Биржевые ведомости. 1915. 20 февр.

Сологуб Ф.К. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4: Творимая легенда. М., 2002.

Сологуб Ф.К. Харакири // Новости. 1904. № 273. 3 окт.

Хеллман Б. Когда время славянофильствовало. Русские философы и Первая мировая война // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. Проблемы истории русской литературы начала XX века. Helsinki, 1989. P. 211–239.

Неосуществленный цикл О.Э. Мандельштама и журнальная полемика 1915 г.¹

То, что стихи Мандельштама могут, а зачастую и должны восприниматься не только сами по себе, исключительно как замкнутый на себя текст, но и среди текстов иных, которые проясняют смысл того, который интересует читателя / исследователя, давно уже стало аксиомой. Однако широта этого контекста для пишущих об этом авторов колеблется от предельно широкого (именно так чаще всего и бывает) до очень локального. Мы хотели бы предложить сегодня толкование причин появления одного не до конца сформированного и утраченного в последующих публикациях мандельштамовского цикла, исходя из места и времени его появления.

Соотношение поэзии Мандельштама с современными общественными и политическими темами, обсуждавшимися на страницах повременной печати, стало, особенно в последние годы, предметом значительного внимания. Не претендуя на исчерпание накопившейся обширной литературы, назовем только несколько работ, вплотную и подробно посвященных этой теме: книга и статья Д.М. Сегала², небольшие книги М.Л. Гаспарова³ и О.А. Лекманова⁴. Разные по своим целям, задачам и методологии, они нацелены, однако, на то, чтобы продемонстрировать: стихи Мандельштама должны быть рассмотрены не только в «большом» контексте идей великих авторов, но и в более узком, предопределенном темами и запросами своей эпохи.

Нас заинтересовала небольшая публикация Мандельштама, состоящая из трех стихотворений. В просуществовавшем лишь полгода еженедельном журнале «Голос жизни» в № 14 от 1 апреля 1915 г. была страничка стихов (с. 10), на которой слева разме-